

Антонов Е.А., доктор философских наук, профессор
кафедры философии БелГУ
(Грант РГНФ № 04-03-55002а/ц)

Многоцветие рационализма Н.Н.Страхова

В начале XXI столетия все более явственно обнаруживаются глобальные негативные последствия практической реализации той рационалистической парадигмы, которая была характерна для классического периода развития философской и научной мысли. Как известно, рационализм в качестве целостной системы гносеологических воззрений складывался в западноевропейской культуре Нового времени под воздействием успехов развития математики и естествознания. Научная картина мира, базирующаяся на механике, становилась метафизичной, эстетически и нравственно нейтральной. Это означало, что происходило освобождение науки от ценностей, идеалов и норм, а также от гуманистической ориентации, что открывало широкую дорогу для безнравственности. Свое логическое завершение рационализм Нового времени получил в панлогизме Гегеля. Преодоление классического рационализма силами одной логической мысли в то время оказалось невозможным как на Западе, так и в России. Одну из интереснейших попыток многостороннего исследования рационализма предпринял известный русский мыслитель, философ и литературный критик Н.Н. Страхов.

Философия Н.Н.Страхова представляет собой весьма крупное явление в русской культуре 2-й половины XIX века, став своеобразным мостом между славянофильством и западничеством, с одной стороны, и русским религиозно-философским ренессансом, с другой. В ней своеобразно преломились наиболее значимые идейные течения русской и западноевропейской культуры. Страхов был весьма заметной фигурой в русском просвещении. Он принимал активное участие в осмыслении основных философских и культурологических устремлений своего времени и внес значительный вклад в сокровищницу русской духовной культуры. Убежденный защитник классического образования, вечный искатель истины, не создавший своей философской системы и не имевший последователей – таков образ Страхова при первоначальном его рассмотрении. Для более глубокого уяснения

философского мирозерцания Страхова необходимо прежде всего выяснить духовные предпосылки его творчества. Его философские взгляды формировались и развивались на широком культурно-историческом фоне. Они складывались в эпоху отхода от гегелевского панлогизма и поворота в сторону позитивизма и материализма. Опираясь на славянофильские традиции и немецкую классическую философию, Страхов стал последовательным критиком этих направлений. Большое влияние на духовное развитие мыслителя оказала также философия Р.Декарта, Б.Спинозы и Ж.Э.Реннана. Мироззренческо-ценностная направленность, нравственные представления и эстетический вкус Страхова сформировались под влиянием А.С.Пушкина, А.И.Герцена, а также Ап. Григорьева, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, которые являлись его близкими друзьями. Особое влияние на формирование его взглядов оказала русская литературная критика, способствовавшая появлению его блестящей философской публицистики, не устаревшей по глубине постановки и решению проблем и в наше время. Значительное место занимает проблема рационализма в творческом наследии замечательного русского мыслителя 2-й пол. XIX века Н.Н. Страхова (1828-1896), часто относимого к почвенникам. И это вполне понятно, поскольку он, в течение четырех десятилетий «так напряженно живущий мыслью, не смог не стать рационалистом» (В.В. Розанов). Как отмечал в свое время С.А. Левицкий, «его заслугой остается, что критике рационализма, намеченной Хомяковым и Киреевским, Страхов дал более конкретные формы, распознав идолопоклонство рассудка как один из главных его корней» (3, с. 171). Продолжая критику рационализма, начатую И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым, Н.Н. Страхов выделил более конкретные его типы, распознав идолопоклонство рассудка как один из его главных корней. Речь идет об идолопоклонстве материальной цивилизации, основанной на «бездумном рационализме» и слепой вере в разум при игнорировании других элементов жизни. Отказываясь от этого рационализма, философ становится на позиции почвенничества и признает «бессознательный» момент в историческом процессе, считая, что восполнение рационализма человек находит в искусстве и религии. За четыре десятилетия непрестанной мыслительной деятельности мировоззрение Н.Н.Страхова, конечно, эволюционировало. Можно вполне определенно говорить о том, что его взгляды эволюционировали от гегельянства через пантеизм Спинозы к Канту и Декарту. Отсюда и его понимание времени как текущего назад, в прошлое, к «золотому веку»

рационализма. Впереди рационализма, по мнению Н.Н.Страхова, тьма, но и отойти от него окончательно нельзя. Значит, нужно идти вперед, определяя его границы, постоянно расширяющиеся, и в то же время сохранять иррациональное, присущее душе. Но определяющая центральная интенция мира как целого и места в нем человека оставалась неизменной. И в этом плане можно согласиться с В.В.Розановым, который утверждал, что Н.Н.Страхов стоял возле «вечных истин» как «неподвижные звезды» среди блуждающих планет. В зависимости от ситуации они поворачивались различными гранями, вызывая глубокое уважение одних и сдерживающее и скрытое недовольство других.

Проблема рационализма ставилась и решалась Н.Н. Страховым в социокультурном контексте 2-й половины XIX века, когда происходило два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, наблюдалось формирование русской классической философии, а с другой – начиналось осознание пределов рационального освоения мира и распространение иррационалистических идей и концепций. Говоря о враждебности человека к рационализму, Н.Н. Страхов в то же время считал, что в этих условиях резкая критика может сослужить плохую службу. Он как никто другой видел недостатки рационализма и в то же время утверждал, что в своей сфере рационализм неопровержим, что есть «вечные истины, без которых нельзя ступить ни науке, ни истинной философии». «Европейское просвещение, – писал мыслитель, – этот могущественный рационализм, это великое развитие отвлеченной мысли, должно быть для нас побуждением к ... сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов» (7, с. V). По его мнению, «все мы отчасти рационалисты, потому что во всяком деле мы неизбежно рассуждаем, а если рассуждаем, то значит, прибегаем к каким-нибудь началам и приемам разума, и даже всегда стараемся проводить эти приемы и начала как можно дальше» (8, с. 148). От такого естественного рационализма не свободен ни один человек (если он, конечно, не лишен разума), в том числе и человек верующий. И это действительно так, хотя многие ревнители веры не подозревают, что рационализм вообще есть дело неизбежное, что сами они на каждом шагу оказываются рационалистами.

Во второй половине XIX века происходило стремительное нарастание вражды к рационализму. Эта вражда велась всеми спиритуалистами, материалистами, верующими и скептиками, философами и натуралистами. Н.Н. Страхов видел эту враждебность к рационализму со стороны его современников, но считал, что в условиях зарождения русской философии эта критика, может сослужить плохую службу. По его мнению, могущественный рационализм европейского просвещения как великое развитие отвлеченного мышления должен быть побуждением к сознательному уяснению наших собственных духовных инстинктов. Понять и усвоить дух рационализма необходимо для развития нашей духовности и национального самосознания.

Вместе с тем философ осознавал неудовлетворенность рационализмом, подчеркивая, что никакого выхода из рационализма не может существовать внутри него самого. За пределами рационализма сначала открывается «тьма», затем пробуждается потребность чем-либо восполнить рационализм, найти выход из него. Вся последующая работа философа есть стремление найти выход за пределы рационализма в область живой и высшей действительности. Его идеи созвучны современности. Так, известный математик и философ XX века как А. Уайтхед пишет: «Подлинный рационализм должен всегда выходить за свои пределы и черпать вдохновение, возвращаясь к конкретному» (9, с. 263).

Мысль о границах рационального познания пронизывает многие философские произведения Н.Н. Страхова, способствуя глубокому осмыслению различных типов рационализма и его границ. Он отмечал, что рационализм никогда не может найти в самом себе удовлетворения, так как человеческий дух не может исчерпать себя в каком-либо из жизненных элементов. Убежденный рационалист, Н.Н. Страхов прошел хорошую школу естествознания и немецкой классической философии, выработал твердый взгляд на жизнь и веру в могучую силу научного познания. Защиту научного рационализма от радикального нигилизма он осуществлял в связи с тем, что наука представлялась ему в качестве совершеннейшего проявления рационалистического воззрения на мир. На этой основе он создает систему «рационального естествознания». Вместе с тем философ осознавал, что наука при всем ее могуществе не удовлетворяет человека, поскольку дает механистическую, одностороннюю картину мира. В классической науке принцип рациональности был оторван от реализации гуманистических ценностей. Отсюда вытекал его протест против универсализации механико-математического естествознания, его критика материализма и эмпиризма как определенных ступеней познания мира. Наряду с этим Н.Н. Страхов видел трудности и проблемы, связанные с абсолютным отождествлением научной рациональности с рациональностью вообще и считал, что ее анализ требует выхода в более широкий социокультурный контекст. На этой основе возникает его положение о том, что рационализм присущ всем людям, так как они рассуждают, а, значит, прибегают к каким-нибудь началам и приемам разума. От такого «естественного рационализма» не свободен ни один человек, включая даже человека верующего. Это было расширительным толкованием рациональности, под которой понимался способ познания действительности, основанный на разуме

Третьим типом Н.Н. Страхов называет «исключительный, ложный рационализм» который состоит в том, что люди, стремящиеся к полному рационализму, отличаются от других тем, что больше других отрицают и сомневаются. Они, как правило, являются резонерами и не способны к творческому мышлению. Их главная задача состоит в тотальном низвержении

прежних устоев, в разрушении, а не творческом созидании. Философ осознавал недостаточность рационализма и в то же время утверждал, что в своей сфере рационализм неопровержим, что есть «вечные истины, без которых нельзя ступить ни науке, ни истинной философии».

Наряду с названными типами рационализма в работах философа можно найти зародыши новой традиции рациональности, связанной с идеей гармонии целостного мира. Этот, четвертый тип рационализма основан на соединении античной идеи космоса с ныне восстанавливаемыми в своих правах категориями меры и гармонии. Такая органическая рациональность, предполагающая соединение гармонической целостности мира и ответственности личности за свою свободу выбора пути, выходит за границы классики. Она является составной частью складывающегося неклассического рационализма, являющегося основой органического мировоззрения. Неклассическая трактовка целостности в творчестве русских органицистов, включая Н.Н. Стрехова, содержала в себе антиредукционистскую установку. Эти мыслители во многом подготавливали почву для формирования синергетики, научного направления второй половины XX столетия, исследующего сверхсистемный эффект. Они прокладывали дорогу новому мировоззрению. Н.Н. Стрехов в своей работе «Мир как целое» специально раскрывает несостоятельность атомистов от древности до современности. До революционных открытий в физике конца XIX века он делает вывод о том, что если атом существует, то он должен быть активен как монада и сложным как клетка. Проблема соотношения рационального и иррационального рассматривается Н.Н. Стреховым в процессе критики спиритизма – модного направления, появившегося в России во второй половине XIX века. Он сообщал об этом Л.Н. Толстому: «Я приготовился и хочу писать о спиритизме... я предполагаю, что спиритизм основан на нашем стремлении к иррациональному (предисловие к Миру как целое), но что он ищет этого иррационального не там, где следует. Разве не хороша задача: указать и определить всю ту область, где его не следует искать?» (1, с. 71). В работах Н.Н. Стрехова можно найти диалог науки с мистикой, что проявилось, в частности, в его споре со спиритизмом, а также при рассмотрении религиозных проблем. Во имя науки и разума он выступал против неумеренного спиритуализма и спиритизма, которым увлекалась русская интеллигенция 2-й половине XIX века. Его философия называлась иногда разграничительной разделительной. И он действительно не допускал смешения научных и религиозных проблем, отдавая богу богово, а кесарю кесарево.

Характеризуя органицизм, мыслитель считал, что «его положения с первого же разу кажутся то совершенно простыми и ясными, то необыкновенно дерзкими и решительными». Целое в органической картине мира не представляет собой механическую совокупность, арифметическую сумму

простых и абсолютно автономных частей, поскольку организм – это динамическое единство. Развиваемые Н.Н. Страховым и другими органицистами второй половины XIX века идеи естественной объективной целесообразности, присущей миру и каждой его составляющей органической целостности, во многом подготавливали теорию самоорганизации, разрабатываемую сегодня кибернетикой и синергетикой.

Просвещение в России 2-ой половины XIX века способствовало формированию нового центра, по отношению к которому оказывались переориентированы все доселе существовавшие культурные ценности. Таким ценностным центром оказывался мир частной жизни индивида. В этих условиях частная жизнь становилась основанием новой ценностной иерархии. Суверенизация частной жизни порождала представление о множественности социальных миров. Н.Н. Страхов осознавал воплощение этого культурного плюрализма в реальной жизни в виде идеи «множественности». Для нахождения прочной основы для органического мировоззрения он стремился найти опору, обращаясь к «почве». По его мнению, сознательная и самостоятельная жизнь человека неразрывно связана с «почвой», исходя из которой нужно формировать русское национальное самосознание. Опорой для человека становится «внутренний мир» его частной жизни. В связи с изложенным он считал, что «в самом человеке должна существовать твердая опора для его мысли, для того, чем определяется цель и достоинство его жизни» (5, с. 10). Он надеялся, что люди, осознавая свое духовное величие, стремясь к гармонии с природой, будут стараться постигать новые смыслы своего культурно-исторического существования через постоянную работу духа. «Неустанный труд ума и совести, – писал он, – единственная гарантия того, что современный человек сможет выбраться из тьмы непонимания и ложных, навязанных ему понятий, что он будет способен постичь смысл духовных исканий своих выдающихся современников и вместе с тем не будет творить из них новых кумиров» (8, с. 193). В основе идолопоклонства материалистической цивилизации лежит, по Н.Н. Страхову, слепая вера в разум, заменивший истинную веру в религиозный смысл жизни. В этом идолопоклонстве рассудка он видел основу рационализма, выражающего болезнь «просвещенства».

Русского мыслителя не устраивал образ человека, созданный естественными науками, согласно которому природа человека определяется его естественными влечениями. В связи с этим он выступал против арифметического или механистически упрощенного понимания человека, согласно которому человек есть животное плюс разум. Считая его неверным, Н.Н. Страхов утверждал, что человеческое, как и органическое развитие, отличается от развития механического. Однако он не переходит при рассмотрении человека на позиции религии и мистики, разграничивая веру и научное знание и оставаясь на позициях «перегородочной философии», для

которой наука и ее «непреложные истины» стоят вне религии. Вопрос о человеке, согласно Страхову, не может быть отнесен ни к какой определенной науке – зоологической, анатомической, палеонтологической или какой другой. Этот вопрос «принадлежит к сфере более широкой и более общей, чем сфера каждой из естественных наук», поэтому он «не может быть выражен терминами этих наук и разрешен их методами» (5, с. 296, 297). Рассмотрение человека осуществляется мыслителем в двух ракурсах. Во-первых, в антропологическом, который включает в себя все то, что тесно связано с естественными предпосылками становления и развития человека и имеет естественнонаучное, биологическое значение. Отсюда исследования человека базируются на строго естественнонаучной основе, хотя и не сводятся к ней, поскольку сюда добавляется социально-исторический аспект. Во-вторых, в метафизическом, который нацелен прежде всего на изучение духовного в человеке, его души, нравственности, эстетичности. В русле этих двух взаимосвязанных аспектов выделяются внешние, природные, а также социально-исторические условия и внутренние, духовные факторы формирования и развития человека.

Особенностью человека является то, что он, согласно Страхову, «живет двойною жизнью, потому что, кроме действительности, у него есть область мысли, допускающая всевозможные искажения» (6, с. 336-337). По его мнению, «если человек противоречит логике, действует вопреки ясной несомненности, то его вынуждает к этому, очевидно, какая-нибудь важная, непобедимая потребность. Предрассудки и заблуждения, это – какое-то творчество, постоянно живое в душе человека, имеющее корни в самом ее существе» (5, с. VII). Поэтому для него «нет ничего интереснее, как исследование заблуждений, ибо оно ведет к познанию самой глубокой стороны человеческого существа» (5, VI-VII). Страхов считал, что «самое стремление к таинственному есть одно из благороднейших и высочайших свойств человека» (5, с. 71). Он считал, что тайна всего яснее раскрывается в нас самих, в собственной нашей душе, а также, как тайна всего познания содержится не в самом познаваемом, а в нашем уме. Принципиальное положение классической метафизики и естествознания о том, что в иерархическом порядке природы человеку принадлежит высшее место мыслитель доводит до логического конца. Он был убежден в том, что иерархически увенчивая природу, будучи ее живым центром, человек раскрывает загадку мира, его тайну и принцип развития.

Особенностью человека является то, что он, согласно Страхову, «живет двойною жизнью, потому что, кроме действительности, у него есть область мысли, допускающая всевозможные искажения» (6, с. 336-337). По его мнению, «если человек противоречит логике, действует вопреки ясной несомненности, то его вынуждает к этому, очевидно, какая-нибудь важная, непобедимая потребность. Предрассудки и заблуждения, это – какое-то творчество, постоянно живое в душе человека, имеющее корни в самом ее существе» (5, с.

VI –VII). Поэтому для него «нет ничего интереснее, как исследование заблуждений, ибо оно ведет к познанию самой глубокой стороны человеческого существа» (5, VI -VII). Страхов считал, что «самое стремление к таинственному есть одно из благороднейших и высочайших свойств человека» (5, с. 71). Он считал, что тайна всего яснее раскрывается в нас самих, в собственной нашей душе, а также, как тайна всего познания содержится не в самом познаваемом, а в нашем уме. Принципиальное положение классической метафизики и естествознания о том, что в иерархическом порядке природы человеку принадлежит высшее место мыслитель доводит до логического конца. Он был убежден в том, что иерархически увенчивая природу, будучи ее живым центром, человек раскрывает загадку мира, его тайну и принцип развития.

Страхов разработал рациональную антропологию, учение о месте человека в природе. Путь самопознания требует, по его мнению, особого рода мышления, особого типа рациональности, который неизвестен науке, достигающей своих целей с помощью исследования «объективности» всех явлений. Можно вполне определенно сказать, что Страхов придерживался созерцательного рационализма, являющегося переходом от религии к естествознанию. Но это именно созерцание, а не активный рационализм, присущий западноевропейской культуре, который ищет разума в природе и устанавливает его в обществе. Для Н.Н. Страхова характерна мудрость созерцания, «вчувствование» в философские и художественные произведения и эстетизм высшего порядка. Рациональный ответ на вопросы об окружающем мире сочетался у него с иррациональным отношением к душе человека, к самому человеку как загадке философии, что позже получило развитие в экзистенциализме.

С новых позиций раскрывается рационализм при рассмотрении проблемы антропоцентризма. Согласно Н.Н. Страхову, «человек всегда воюет против рационализма», поскольку последний никогда не может найти в самом себе удовлетворения. Это связано с тем, что человеческий дух не может исчерпать себя в каком-либо из жизненных элементов. Отказываясь от рациональности как слепой вере в разум, он становится на позиции почвенничества и признает бессознательный момент в историческом процессе, что восполняет рационализм человека в религии и искусстве. Разрабатывая рациональную антропологию, учение о месте человека в природе, Страхов в то же время отмечал, что путь самопознания требует особого рода мышления, особого типа рациональности, который не известен науке, достигающей своих целей с помощью исследования «объективности» всех явлений. Поэтому рациональный ответ на вопросы об окружающем мире органически сочетался у него с иррациональным отношением к душе человека, к самому человеку как загадке философии, что значительно позже получило развитие в экзистенциализме. Для пантеистически-антропологического мировоззрения

Страхова было характерно положение о том, что мы сможем понять Вселенную тогда, когда поймем самих себя. Такой подход Страхова к проблеме космическое освоения послужил основанием для некоторых современных исследователей отнести его к ранним противникам русского космизма. Согласно Страхову, отказ от антропоцентризма должен повести еще к одному новому учению, точнее, к возрождению античного учения о «вечном возвращении». Здесь он ссылается на восточную философию, в частности, на индийского мудреца Гаутаму, что «нужно познать душу, нужно о т л и ч и т ь е е о т п р и р о д ы; тогда она не возвратится, она не появится снова, (т.е. не подвергнется метемпсихозе) ... По нашему, по христиански, мы должны бы сказать: тогда она с п а с е т с я» (6, с. 128). Учение о «вечном возвращении» обесмысливает мир, обесценивает разум. В свою очередь это должно привести к представлению о полной бессмысленности с человеческой точки зрения всей истории космоса. Следствием этого учения должен быть крайний пессимизм, поскольку человек теряет свое центральное место в космосе и спускается на уровень плесени и лишаев. Поэтому Страхов, рассматривая творчество Шопенгауэра, подчеркивал, что в жизни человека много пессимистического, но все это ни в коем случае не позволяет убирать оптимистическое в человеческой жизни.

Находясь на позиции рациональной философии, Н.Н. Страхов в то же время стремился постигнуть тайну мироздания и человека. Для его взглядов на человека характерна телеологичность, поскольку он исходит из того, что все существует для человека, его телеология антропоцентрична. Таким образом, в иерархии природных систем по степени сложности их организации особая роль отводится человеку как высшей цели эволюции Вселенной. От этой внешней предопределенности человека мыслитель обращается к внутренним смыслам, скрытым за ней. Самобытное мирозерцание Страхова может быть охарактеризовано как органическое понимание мира и человека. Этот антропоцентризм стремится к созданию такой аналитической картины мира, которая была бы основана на достижениях современного ему естествознания. Он задает принцип субъектно-объектного отношения ко всему сущему, в реальной ее структуре антиномических систем и артикуляции. Поэтому настоящей проблемой философии является, по Страхову, проблема познания субъекта, а не объекта, существа, а не вещества. Проблема самосознания человека является вершиной в русской антропологической философии. В сфере проблемы самопознания новую постановку получает и познание мира объектов. Страховский антропоцентризм, с присущим ему таинственным образом человека, не вполне вписывается в рационалистическую естественнонаучную картину мира. Это свидетельствует о том, что мыслитель вплотную подошел к пределам, к границам не только рационализма, но и антропоцентризма. Однако в силу своей созерцательности он не рассматривал этот вопрос в его конкретной

действительности. И все же над образом человека как центра и средоточения природы постоянно витал образ бога, способствуя проявлению в потаенной сфере культуры и человека. По мнению Н.Я. Грота, «Н.Н. Страхов является почти скептиком-мыслителем, склонным к некоторому особому, если так можно выразиться, р а ц и о н а л ь н о м у м и с т и ц и з м у», он «не только вполне верует в Высшее начало, в Бога, но даже остается христианином, сочувствующим православию – не в узком значении «церковника-ритуалиста», а в самом широком философском смысле, в котором многие крупные мыслители и философы считали себя христианами и признавали особый смысл за тем вероисповеданием, которое стало для них «национальной формой» религиозного богопочитания» (2, с. 30). В свою очередь Н. Мальчевский считает, что с именем Н.Н. Страхова связана линия в русской философии, получившая название «метафизического персонализма». Такой сверхрационализм русского мыслителя обособляет его от Гегеля и других западноевропейских философов, связывая научное понимание рационального с нахождением иных его форм в других сферах духовного освоения мира и человека.

Страховский антропоцентризм, с присущим ему таинственным образом человека, не вполне вписывается в рационалистическую естественнонаучную картину мира. Это свидетельствует о том, что мыслитель вплотную подошел к границам не только рационализма, но и антропоцентризма. Однако в силу своей созерцательности Страхов не рассматривал этот вопрос в его конкретной действительности. Важно также отметить, что проблемы выработки разумного отношения к Западу и формирование русского национального самосознания, поставленные Н.Н. Страховым в свое время весьма значимы для современной отечественной философии. Он стремился переосмыслить природу европейской рациональности, выявить и осмыслить ее новую форму, где деятельность рациональная выступает как момент человеческой деятельности в целом. Теория двойственной истины в его творчестве проявляется в соотношении ее рационального и спонтанного проявления. При этом в своих размышлениях он не ограничивается интеллектуальным опытом естествознания и обращается к духовному, чувственному и эстетическому опыту человека, к поэзии, литературе и истории, к художественному творчеству в целом. Все это, несомненно, является доказательством многоцветия рационализма Н.Н. Страхова, открывающего новые пути решения этой сложнейшей проблемы.

Поиск новых форм рациональности и способов ее выражения, был и остается актуальным и в наше время. Переход к новым формам рациональности, не сводящимся к «образцам» господствовавшим в механистическом естествознании связан с обращением к человеческой духовности. Эффективное решение возникших проблем возможно благодаря переходу от механистического мировоззрения, базирующегося на принципе редукционизма,

к органическому миропониманию с его принципом синергизма. Это предполагает формирование органического видения человека и мира как единого гармонического целого. В качестве важнейшей предпосылки формирования нового мировоззрения следует рассматривать русскую культуру с ее органистическими тенденциями. И здесь в первую очередь нужно обратиться к славянофилам и почвенникам, которые приняли активное участие в формировании органического мировоззрения своего времени.

Список литературы:

1. Архив Л.Н.Толстого. Переписка... – М., 1914.
2. Грот Н. Памяти Н.Н. Страхова. – М., 1896.
3. Левицкий С. Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. – 1958. – №54.
4. Мальчевский Н. (Ильин Н.) Предисловие // Аскольдов С.А. Алексей Александрович Козлов. – СПб., 1997.
5. Страхов Н. Мир как целое. СПб., 1872. С.71.
6. Страхов Н. О вечных истинах. – СПб., 1887.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1887. – Кн. 1.
8. Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.
9. Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М., 1990

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий БелГУ
(грант РГНФ № 06-03-55310а/ц)

Социализация региональной молодежи в «эпоху смуты» и перспективы ее интерпретации в социологии

Особенностью развития молодежи в современном российском обществе является превращение феномена отклоняющейся социализации из нетипичного и локального, что характерно для большинства исторических периодов, в массовый и, фактически, нормативный. При этом речь идет, прежде всего, об отклонениях (девиациях) «со знаком минус», то есть – о девиациях, носящих асоциальный характер. Они выражаются в несоблюдении правовых и нравственных норм, в отказе от традиционных ценностей, которые обычно относят к числу так называемых «общечеловеческих». Масштабность распространения различных форм девиантного поведения шокирующим образом действует на массовое сознание, приводит в замешательство представителей власти и – вполне естественно – побуждает исследователей к анализу причин данного явления. Различные формы отклоняющейся социализации молодежи особенно заметны в «провинциальных» (удаленных от столиц и крупных промышленных центров) регионах, возможно, потому, что именно здесь наиболее остро проявляются противоречия социального развития